

Соловей-Разбойник с Большого театра

От его голоса падали люди. Знаменитый антрепренер Сол Юрок называл его «бриллиантом в короне Большого», «железная министерша» Екатерина Фурцева считала голос певца неповторимым. Жена диктатора Перона упала в обморок, когда услышала его верхнее «до»

Зэки-наставники

На примере Пьявко можно учить тому, как талант проби-
вает себе дорогу. Он никак не
должен был стать певцом. По-
тому что был по самую кокарду
засекреченным военным офи-
цером, выпускником ракетно-
артиллерийского училища. А
до этого — сыном врага наро-
да... Жил в Норильске, за са-
мым полярным кругом, в суро-
вом краю вечной мерзлоты и
эков.

Но, может быть, все дело
было как раз в этой невоспри-
имчивости русского характера
к наказанию и способности
прорастать там, где тебя «поса-
дили». В Норильском драмте-
атре, где было полным-полно
актеров-эков, он мальчишкой
из-за кулис наблюдал за нико-
му не известным тогда Инно-
кентием Смоктуновским.
Встречался со ссыльным Георг-

В Норильском
драмтеатре, где было
полным-полно актеров-
эков, он встречался со
ссыльным Георгием
Жженовым

гием Жженовым. В общем,
прошел хорошую театральную
практику.

После окончания школы, не
раздумывая, махнул в Москву,
в театральное училище. С пер-
вой попытки ни в ГИТИС, ни
в Щукинское, ни в Щепкин-
ское училища его не взяли. То-
гда пошел на режиссерские кур-
сы при «Мосфильме». Смуша-
ясь, пошел на собеседование:
режиссерский экзамен прини-
мал классик советского кино
Леонид Трауберг, и парень ре-
шил, что провалился...

Возвращаться домой «не-
поступленцем» было стыдно.
Сын летчика решил, что ему
дорога только в армию — по-
шел сдаваться в военкомат. Во-

енком в армию не взял — 17
лет, предложил поступить в
Коломенское ракетно-артил-
лерийское училище.

Корова и Большой

Так, Владислав оказался
курсантом бывшего царского
Михайловского военного учи-
лища под Коломной. Кроме
строевых песен, стука сапог о
плац, здесь случались и совсем
анекдотические ситуации. Од-
на стала поворотной в его жиз-
ни.

Стоит он однажды на посту
— стратегический объект охра-
няет. Глухая ночь. Вдруг где-то
в пяти-шести шагах от себя
слышит шевеление в кустах.
Кричит: «Стоять!» А в кустах,
несмотря на приказ, кто-то
ползет. Первый раз пальнул в
воздух, а второй — в кусты.
Примчалось начальство: «Что
за стрельба?» Курсант Пьявко
докладывает: «Обнаружен ди-
версант». Полезли в кусты.
Вместо диверсанта — невинно
убитая корова. За проявлен-
ную «бдительность» курсанту
Пьявко вынесли поощрение —
десять суток отпуска. Вот так
во второй раз он оказался в
Москве. Повсюду трубили об
открытии очередного павильо-
на ВДНХ. Пьявко спешил уви-
деть восьмое чудо света. Но
наткнулся на объявление:
«Открытие выставки отклады-
вается по техническим причи-
нам». Ноги сами понесли куда-
то в центр. Он оказался на Те-
атральной площади. Кругом
конная милиция. Огромный

дворец. Видит, девушка стоит у
колонны и на часы по-смотри-
вает. Он к ней подходит: «Де-
вушка, что здесь такое?» У де-
вушки глаза округлились: «Ты
что, парень? Большого театра
никогда не видел?» «А что тут
играют?» — спрашивает.

«Здесь поют. Сейчас спек-
такль начнется». Девушка с би-
летом, как в сказке, провела
курсанта через кордоны мили-
ции, заслоны билетерш, завела
на самый верх — на галерку, по-
том договорилась о свидании
после спектакля и... навсегда
исчезла из его жизни.

Пьявко заворуженно следил
за всем происходящим на сце-
не, за артистами, за музыкан-
тами в оркестровой яме, не
зная, что через восемь лет он
будет стоять на той же сцене и
петь с великой Архиповой.

Государственная тайна

Он пел на плацу. Был отлич-
ником боевой и физической
подготовки. Его однажды пох-
валил знаменитый полководец
времен войны, генерал армии и
министр обороны Малинов-
ский, с инспекцией объезжав-
ший военные училища. Генерал
сказал: «Тебе, сынок, петь надо,
а не служить». И забыл. А кур-
сант Пьявко в это поверил.
После окончания училища его
распределили на Камчатку —
охранять восточные рубежи
страны. 15 дней на посту — 15
дней отдыха.

Однажды, получив свои
очередные 15 суток «свободы»,

он, не доложив начальству,
взял и самовольно покинул
часть. Так или иначе, с этой
минуты ему грозил военный
трибунал. Он летел в Москву
на «попутных военных самоле-
тах». Потом нашел Министер-
ство обороны. На входе до-
ложил: «У меня срочное донесе-
ние маршалу Малиновскому, с
границы». Выходит к нему
некто в генеральских погонах.

Вишневская вынесла
свой вердикт: «Я пою...
вот с ним, — и
показала пальцем на
Пьявко, — и завтра,
будьте так любезны,
дать нам репетицию»

«Что у тебя?» — ревет. Лейте-
нант видит, что это не ми-
нистр. Отвечает: «У меня сек-
ретное донесение лично това-
рищу министру. Вам не скажу».

Ведут его к маршалу Мали-
новскому. Он смотрит на лей-
тенанта: «Ну, что у тебя за до-
несение?» Лейтенант доклады-
вает: «Хочу петь». Маршал
взревел: «Под трибунал, часть
бросил!». «Я не бросил — у ме-
ня отпуск. Неужели вы меня не
помните, товарищ маршал?» У
маршала таких лейтенантов
под миллион. И тут лейтенант
запел. Этого требовала художе-
ственная правда. И маршал
вспомнил. Вспомнив, вынес

Генерал армии и министр
обороны Малиновский, с
инспекцией объезжавший
военные училища, сказал:
«Тебе, сынок, петь надо,
а не служить»

свой вердикт: за самовольный
уход из части стратегического
назначения — штрафбат. Но за
голос, за талант (а маршал та-
ланты ценил — сам выбыл не
из-за папиной спины) про-
стил: «Пиши рапорт, уволим
подчистую. Но пока не демо-
билизировался, посидишь на гу-
бе. За «самоволку». Так буду-
щий народный артист СССР
Владислав Пьявко не стал ге-
нералом.

Оперная идиллия

После расставания с воен-
ной формой он с легкостью
поступил на музыкальное от-
деление ГИТИСа. Пройдя
конкурс — 50 человек на место,
стал стажером Большого теат-
ра, а после его солистом.

Жизнь певца походила на
либретто сказочной оперы.
Пришел он как-то к своему
другу — режиссеру Максиму Вы-

Пьявко Владислав

(с. 10)

-27.

4

Ни Паваротти, ни Доминго, ни Каррерас — никто из троих оперных «шоу-боев» не отважился спеть партию Гульельмо Ратклиффа в опере Масканьи

соцкому — и гордо объявил, что назначен на партию Пинкертон в «Чио-Чио-Сан». Через пару дней идет Владислав на очередной урок вокала, навстречу прима Большого — Галина Вишневская. «Молодой человек, почему вы не ходите на репетиции?» «Не вызывают», — весело отвечает Пьявко. «А партию вы знаете?» — «Конечно». — «Когда у вас ближайший урок вокала?» — «Да вот я на него иду». — «Очень хорошо, пойдемте вместе».

Вошли они в класс, и Влад махнул всю партию Пинкертон. Галина помолчала, потом говорит: «Пойдемте дальше». И все без малейших объяснений, как давным-давно в Министерстве обороны, заводит его в дирижерскую, а там Марк Эрмлер — дирижер спектакля — с режиссером-постановщиком Моралевым. Вишневская Эрмлера властно спрашивает: «Кого вы намечаете на премьеру?» «Конечно вас, Галина Павловна», — угодливо ответил режиссер. Г.П. даже не повернулась к нему: «Я говорю о том, с кем я... буду... петь?» — «Ну, это мы решим в ближайшее время», — слушались два деятеля. Вишневская смерила их взглядом и вынесла свой вердикт: «Я пою... вот с ним, — и показала пальцем на Пьявко, — и назавтра, будьте так любезны, дать нам репетицию».

Дама Пик у Германа

В середине 70-х Владислава Пьявко обвинили в том, что он хочет сорвать гастроль Большого театра. Первые гастроль Большого в Америке. Легендар-

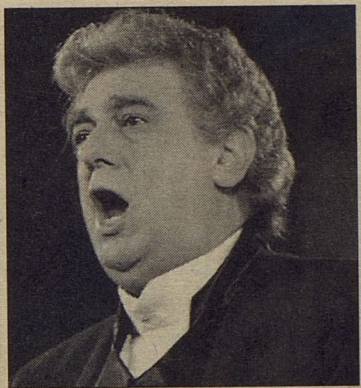
Фурцева глаза

прищурила и вдруг как заорет:

«Отказываешься петь Германа в «Пиковой даме», американские гастроль срываешь?!»

ный Сол Юрок взялся за «экспорт» советских, как до этого занимался импортом русских: Федора Шаляпина, Анны Павловой, Михаила Фокина...

И по заведенной у него традиции, сам захотел прослушать тех, кого прочили в США. Пришел в театр. Давали «Бориса Годунова». В бархатных креслах Большого уставший Юрок погрузился в сладкую полудрему. Оркестр играл все тише и тише. Вдруг запел Пьявко. Голос — от смерти на волос. Юрок очнулся. «Он поет в Метрополитен?» — оживленно

спросил антрепренер служившего оперной дирекции. Испуганный чиновник смущенно признался, что в списке тех, кто едет на гастроль, фамилии Пьявко нет. «Как же так?» — изумился Сол. «А Пьявко сам не хочет ехать», — уточнили в оперной дирекции. «Как не хочет?!» — с еще незабытым одесским акцентом успел переспросить мистер Юрок и помчался к Фурцевой...

В огромном кабинете Екатерины Третьей, министерши культуры, маленький человек сиротливо присел на краешек большого красного кресла и приготовился плакать длинными продюсерскими слезами. Фурцева была женщиной отзывчивой, к тому же с пониманием политического момента. Затем повелела доставить к ней Пьявко.

Когда Пьявко входил в кабинет, Фурцева сидела за столом. «А-а, пришел. Ну заходи. Дверь закрой за собой. Поплотнее». Артист сел, Екатерина — напротив. Глаза прищурила и вдруг как заорет: «Что же это такое мне Соломон рассказывает! Отказываешься петь Германа в «Пиковой даме», американские гастроль срываешь?!» «Мне в оперной дирекции Большого объяснили, — спокойно отвечал Пьявко, — что у них есть, кому Германа петь, потому и не лезу». Буря, кажется, пошла на убыль: «Чтобы за лето выучил партию и ехал с ней в Америку», — закончила она почти миролюбиво.

«До» Эвереста рукой подать

Как-то у Вячеслава Пьявко спросили, что самое опасное для оперного певца. Он, не задумываясь, ответил: «Парез связок — полный паралич». Во время спектакля «залезешь» на самый верх, и вдруг — бац — от перенапряжения нервы откажут. И все. Только сип, а голос навсегда потерян. Примеров не счесть. Ни Паваротти, ни Доминго, ни Каррерас — никто из троих оперных «шоу-боев» не отважился спеть партию Гульельмо Ратклиффа в одноименной опере Масканьи. Потому что до них семь других больших певцов сломались на ней. «Залезли» на верха и не смогли «слезть».

Пьявко позвонили из Италии, предложили, он согласился... Может быть, отчасти из-за куража. Это было на пике его зарубежной карьеры. Вокальное сольдо-мортале! Одних «верхов» понатыкано как гвоздей в доску йога. Куликовская битва состоялась на сцене Гарибальди в Ливорно, где до него выступали Марио Дель Монако,

Мария Каллас и где в воздухе всегда привкус аплодисментов, полуобморочных состояний и вздохов. Он был похож на молодого декабриста, который задумал низвергнуть старого императора.

Его Гульельмо оказался из разряда легендарных, из тех, которые остаются на века в памяти. Дамы в первых рядах падали в обморок. Потому и получил золотую именную медаль «Владиславу Пьявко — Великому Гульельмо Ратклиффу» из рук самых больших оперных снобов.

Конь для Брежнева

Косыгин очень он любил слушать «Песню Леньки» из оперы

Хренникова «В бурю» в исполнении Пьявко

Не только женщины теряли из-за него голову. Власть тоже была замечена в этом... Сильные мира сего сами не понимали, что их так притягивало к великим певцам. В 70-х в народе говорили, что каждого народного артиста СССР из Большого опекает один член политбюро. Не-гласный лозунг эпохи: «Каждому большому таланту по большому покровителю». Сам Алексей Николаевич Косыгин любил бывать в опере, правда, у него это редко получалось. Чаще приходилось являться на правительственные концерты в Большом театре. И чаще за главного — за Брежнева. И очень он любил слушать «Песню Леньки» из оперы Хренникова «В бурю» в исполнении Пьявко. Как только придет на концерт, так прямо и закатывает «Песню Леньки». А Владислав Иванович все понять не мог, за что Косыгин ее так уважает. Хорошая песня, но не лучше иных оперных песен того же Хренникова.

Как-то раз на очередном концерте Пьявко решил пронаблюдать за реакцией Косыгина, встал так, чтобы лично

видеть «премьера». Тот один сидел в правительственной ложе. Начал песню, и вдруг видит Косыгин под стул лезет... от хохота. Что такое? Почему? Вроде песня серьезная. А на словах: «Конь заржал тихонечко...» Косыгин уже от хохота давится. Потому что дальше шел текст: «Ты слезай, мол, Ленечка...»

Оказывается, Косыгин думал о Брежневе! Для него это был политический анекдот. В народе ходили упорные слухи о недовольстве курсом «Ленечки» остальных членов политбюро...

Диктаторы и аплодисменты

Однажды он с Ириной Архиповой и Евгением Нестеренко был приглашен на постановку в Буэнос-Айрес, в знаменитый Театр Колонн исполнять заглавные партии в «Борисе Годунове». Архипова — Марина Мнишек, Владислав Пьявко — Гришка Отрепьев. На спектакль пришла Мария Перон (та самая знаменитая Эфита, любимица Аргентины), к тому времени уже вдова диктатора, сама занимавшая президентский пост — случай уникальный.

Протокольное мероприятие, публика самая изысканная. Пьявко — в ударе. Успех был потрясающим. После выступления всех солистов пригласила к себе лично госпожа президент Мария Перон. Принимала тут же, в театре, в специальном зале. Видно было, что ее женские эмоции затронуты: «Вы знаете, я ничего не поняла — языковой барьер, незнакомая культура... но я плакала. Я впервые плакала на спектакле, и мне кажется, я догадалась, в чем ваш феномен: вы все делаете как в последний раз».

С началом перестройки, когда рухнул занавес, Пьявко пригласили солистом в знаменитую немецкую Штаатс-Оперу. На русского певца был возложен практически весь итальянский репертуар. В Штаатс-Опере он работал вместе с дру-

Спустя 13 лет после разлуки встретился со своей второй дочерью. Сейчас Василиса Пьявко — актриса Театра им. Ермоловой

гой русской солисткой, приглашенной дирекцией театра. Эта звездная певица и была его дочь, бывшая студентка — Людмила Магомедова. Но мало кто знал, что она его дочь.

В 1991 году в Колонном зале, где Людмила блестяще исполнила «Норму», после спектакля к Владиславу Ивановичу подошла худенькая девушка. «Вы меня не узнаете?» — спросила она. «Что-то очень знакомое». — «Здравствуй, папа!» — произнесла она! Так, он спустя 13 лет после разлуки встретился со своей второй дочерью. Сейчас Василиса Пьявко — актриса Театра им. Ермоловой.

Дмитрий МИНЧЕНОК

В Штаатс-Опере он работал вместе с другой русской солисткой. Эта звездная певица и была его дочь Людмила Магомедова

